

НА ВСЕХ крутых исторических перевалах, в боях и в трудовых буднях, в горе и в радости — всюду и всегда вместе с народом, в одном строю шагает советская литература. Если мы взяли Переклюк, если мы соорудили Магнитку и Днепротрактор, если вторая мировая война кончилась там, где родилась, — в Берлине, если более трети человечества уже живет по новому высшему закону: «человек человеку — друг и брат», — во всех этих исторических свершениях и преобразованиях, которых народ добился под руководством Коммунистической партии, немалая роль принадлежит советским художникам слова. Исламом Коммунистическая партия называет писателей своими верными помощниками.

Со званием советского писателя несомненно представление о пресловутой башне из слоновой кости, где сидит призрающий мир индивидуалист. Советский писатель плывет от плоти трудового народа. В служении народу, в осуществлении идеалов коммунизма видит он свой долг и призвание, он «народо-водитель и одновременно — народный слуга».

Сердца наши с партией

Сбылись чаяния и надежды лучших сынов Родины — великих писателей нашей земли, мечтавших о том, чтобы литература проникла во все поры народной жизни, чтобы книга стала необходимой, как хлеб, чтобы имена художников в нашей стране называли «всак сущий в ней язык», чтобы разумное, доброе, вечное стало достоянием каждого гражданина Отечества. В ходе великой борьбы за построение новой жизни и воспитание нового человека родилась и невиданная ранее, подлинно народная литература, вырос и новый многомиллионный читатель, которого не знал мир.

Он, этот большой читатель, заполнял площади в станице Вешенской, когда лучшей из представителей советской литературы Михаил Александрович Шолохов принимал у себя в гостях главу Советского правительства и Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Сергеевича Хрущева. Он, большой народный читатель, горячо аплодировал словам товарища Хрущева:

«Своими лучшими произведениями наши писатели способствуют укреплению единства народа, помогают воспитывать советских людей в духе коммунизма».

Встреча в Вешенской была новым проявлением отеческой заботы партии о развитии советской литературы. Встреча в Вешенской стала яркой демонстрацией нескорпимого единства партии, народа и литературы. Только в условиях советской демократии — истинно человеческой демократии — литература приобретает столь огромный общественный вес, столь простой и сердечный характер носят взаимоотношения государственных деятелей и писателей. И потому, выражая чувства народа, Михаил Шолохов от всего сердца заявил: «К нам приехал не гость, как принято понимать, а один из самых родных и близких нам людей».

Герой нашего времени и нашей литературы — это простой советский человек, честный труженик, который стал хозяином своей судьбы, хозяином всякой страны, сознательным творцом истории. Любовь к этому человеку, подлинной гуманностью сильна литература социалистического реализма. У советского человека была трудная судьба, путь, пройденный им и страной, не легок и сложен. Советская литература поведала об этом, ничего не утаивая, правдиво и с неотраженной убедительностью показала, что этот путь — единственно верная дорога к стабильной жизни всего народа.

Правда — знамя литературы социалистического реализма. Партия всегда призвала советских литераторов писать правду, глубоко показывать рождение подвига, раскрывать духовный мир нашего современника, его чувства, думы и стремления. И творчеством Михаила Шолохова — самый яркий образец такой высокой и мужественной правды. Книги Шолохова, равно как и лучшие произведения других советских писателей, неперекраеваемо утверждают, что подлинная правда жизни познается художником лишь в тесном и неотрывном общении с народом.

А тот художник, который хочет быть с народом, всегда будет с партией. Это единство народа, партии и литературы начало закладываться на заре нашего государства. С годами оно росло и крепло. Высшей формой народности нашей литературы стала коммунистическая партийность.

У писателя, который стоит на партийных позициях, партийность органически вытекает из его собственных убеждений и настроений, интереса партия и думы такого писателя совпадают. Любовь к партии движет сердцами художников, дела партия вдохновляют их творчество. В разные годы три корифея социалистической литературы — Горький, Маяковский, Шолохов — говорили о кровной связи советского писателя с партией.

В 20-м году, когда еще шли бои с белогвардейцами, Маяковский писал:

Позтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода РКП.

Закрывая Первый съезд писателей, Горький говорил: «...Отныне понятие «беспартийный литератор» останется только формальным понятием, внутренне же каждый из нас почувствует себя действительным членом ленинской партии...»

На втором съезде писателей Шолохов от лица всех советских литераторов — партийных и беспартийных — сказал: «Каждый из нас плещет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Эти слова Шолохова вспомнил и привел в своей речи на митинге в станице Вешенской Н. С. Хрущев, подчеркнув, что сила художника — в органической партийности творчества и постоянной связи с жизнью народа.

Речь Первого секретаря родной Коммунистической партии была новым свидетельством того, как вдумчиво, любовно, дружески партия следит за развитием советской литературы. Много вдохновляющих мыслей найду в словах речи Н. С.

ОТМЕЧАЯ ЗАСЛУГИ ПИСАТЕЛЕЙ

В связи с пятидесятилетием со дня рождения Емилиана Несторовича Енуова и шестидесятилетием со дня рождения Николая Николаевича Ушакова, отмечаю их заслуги в развитии советской литературы. Президиум Верховного Совета СССР награждает юбиляров орденами Трудового Красного Знамени.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 109 (4075)

Четверг, 3 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Кийтос, Московка!

О КОНЧИЛАСЬ Де-нада нарельско-го искусства в Москве.

Трудно говорить об окончательных ее итогах, когда мы еще не расстались с гостеприимными москвичами, когда артисты все еще продолжают получать цветы и поздравления, художники, писатели и композиторы все еще ведут оживленные беседы со своими московскими коллегам.

Раньше иногда бывало так, что писатели, приезжавшие с периферии, похлопывали по плечу, ободрили общими, ничего не значащими словами, а потом забывали о них. А ведь у нас давно работают писатели, которые пользуются популярностью в Карелии и за ее пределами. Александр Линевский, например, пишет с конца двадцатых годов. Его «Листы наменной книги» имеют большой успех у всеобщего читателя, а изданный в 1958 году разговор об этом произведении в критике так и не было. Слишком мало знает всеобщий читатель о таких писателях, как Ялмари Виртанен, Тобина Гуттари, Хильда Тихля, и многих других, которых уже нет среди нас.

За послевоенные годы карельские писатели написали около ста книг, пьес и поэм. Это — литература, заслуживающая оценки во всеобщем масштабе. Однако вопросам карельской литературы долгое время в Союзе писателей СССР почти никто не занимался.

Для нас поэтому большим событием было обсуждение наших книг, организованное правлением Союза писателей РСФСР. Здесь мы как-то по-новому почувствовали необходимость карельской литературы от всей большой советской литературы. Известные московские писатели разговаривали с нами, как равные с равными, без всяких скидок. Даже те выступ-

АНТТИ ТИМОНЕН

ления, которые содержали серьезные упреки, звучали для нас ободряюще, потому что критикующие рассматривали наши книги с точки зрения высоких, общесоюзных требований.

Мы привели на обсуждение книги, которые наиболее характерны для сегодняшнего состояния нашей литературы. У себя дома мы считали определенным достижением произведение Ф. Трофимова «Воз березовых дров», В. Бабица «Холодная ледя», А. Линевского «Бушует Веломоре», Д. Гусарова «Боевой призыв», поэму Янко Ругова «Ледоход», стихи Николая Лайне, Сумманена, Тарасова, Шмида... Очень радует, что наши оценки совпали с мнением московских друзей.

Карельские писатели, отобразив борьбу и трудовые подвиги народа, стремятся показать гармоническую связь личных интересов героев с интересами общества. Наши писатели работают над современной тематикой, не спешивают с сложностями и противоречиями жизни.

Выросли наши поэты. Лирические герои карельской поэзии воплощают в себе мысли и чувства нашего современника.

Серьезным уроком для нас послужила критика поэмы Алексея Титова «Люба Нострова». Мы знаем Титова как автора многих хороших произведений. Может быть, поэтому мы недостаточно критически относились к его новой поэме, примирившись с тем, что поэт снизил требовательность к себе. Зная Алексея Титова, хочется верить, что эта неудача его не обескуражит и он еще не раз порадует читателей.

Ульяс Викстрем работает сейчас над второй книгой романа «Вперед, народ трудовой!» у автора накопилось много новых жизненных наблюдений о Финляндии, где он путешествовал, у него теперь прибавилось опыта, и критика первой части книги поможет ему.

Мы сознаем, что книги, получившие на обсуждении положительную оценку, также не свободны от недостатков, и мы благодарим друзей, которые беспристрастно обратили на это наше внимание.

Словом, есть над чем подумать, когда мы у себя дома будем более тщательно изучать эти деяния...

На московских заводах, в колхозе, у речников, у воинов Советской Армии — всюду нас принимали с большой теплотой. В Доме культуры поселка имени Дзержинского Люберецкого района нас встретили хлебом и солью — по русскому обычаю. Всюду были перелюбленные залы. Об этих встречах мы унесем самые лучшие воспоминания. Мы видим, что наша молодая карельская литература стала для москвичей такой же родной, какой для нас, карелов, является вся советская литература. Это вдохновляет. Кийтос, Московка! Спасибо, Москва!

Декада закончилась, но ее конец — начало новой, еще более плодотворной работы.

ОЧЕРКИ О ГЕРОЯХ СЕМИДЕТКИ

ПИСАТЕЛИ и журналисты Украины приступили к созданию своеобразной художественной летописи славы дел современников — активных строителей коммунизма. Павел Автономов подготовил к печати очерки «Цветы в щелуху, рассказывающий о труде и жизни киевских приборостроителей». Это один из очерков серии «Герои семидетки», к выпуску которой приступил Гослитиздат УССР.

«Мы кизим — и дух наш молод» — под таким названием издан очерк Ивана Костина о первой в Одессе бригаде коммунистического труда, возглавляемой потомственным кузнецом, депутатом Верховного Совета СССР Д. В. Овсянниковым.

Новая библиотечка расскажет о многих коллективах коммунистического труда Украины — о шахтерах и металлургах, строителях и тружениках сельского хозяйства.

НА ВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ВЛАСТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ПРИВЫЧКИ

И. БЕЛОВ

ПЯТЬ ЛЕТ назад, возвращаясь из поездки по колхозам юга Украины, я задержался в Одессе, чтобы передать конструкторам завода имени Октябрьской революции критические замечания колхозных механизаторов о качестве выпускаемых этим заводом плугов.

Главный конструктор, заверив меня, что замечания будут учтены, неожиданно спросил:

— Хотите увидеть плуг завтрашнего дня? — Зная, что я собираюсь через несколько часов покинуть Одессу, он тут же добавил: «Чтобы ознакомиться с ним, вам никуда не придется выезжать. Мы покажем плуг в действии здесь, в моем кабинете».

Приготовившие отняли немного времени. Она кабинета прикрыли светонепроницаемыми шторами. На стену повесили белый полотно экран. И сразу же началось необыкновенное.

По полю медленно, с обычной скоростью 4 километра в час, двинулся трактор с прицепленным к ним плугами. Но вот один из этих тракторов вырвался, как на бегу, и начал набирать скорость. Поразительная картина открылась взору: плуг на неслыханных ранее скоростях — 9 километров в час — вспахивал поле, оставляя за собой прямую борозду. Время от времени на экране крупным планом возникал участок вспаханного поля; можно было видеть, что борозда на всем своем протяжении имеет равномерную глубину и что почва, подтаятая ростным плугом, сохраняет обычную комковатую структуру.

Трактор на больших скоростях уходил все дальше, оставляя далеко позади своего медлительного спутника. И невольно напрашивалось сравнение: рысак и клыч!

Спустилось несколько дней на Кировградском заводе «Красная звезда» мне показали — опять-таки как сказочный в будущем — проект селки, которая будет засеивать пашню не с обычной скоростью, а вдвое быстрее.

Высокие скорости пахоты, сев... Нельзя было не увлечься замыслом конструкторов.

За последние полвека коренным образом изменилось техническое вооружение земледельческого труда. На поля пришли тракторы, автомобили, само-

ходные машины. Мотор сменил лошадь, вола. Но не странно ли — за эти полвека рабочие скорости плуга, культиватора, сенокосилки, селки почти совсем не изменились! Ныне, как и сто, и двести лет назад, они колеблются в пределах 3,5—5 километров в час. В промышленности, на транспорте идет напряженная борьба за высокие скорости. Но борьба эта круто обошла колхозные поля, не задев не расторгнувшись медлительного течения рабочих процессов в сельском хозяйстве.

Чем это объясняется? Может быть, условия, в которых работают сельскохозяйственные машины, таковы, что погоня за скоростями — бесповоротная фантазия?

Нет, конструкторы скоростных машин не фантазеры! Наша сельскохозяйственная наука уже более четверти века доказывает целесообразность такого направления. Высоким скоростям мешают лишь веками установившиеся взгляды, привычка, превратившаяся в рутину.

Тысячелетия ходил землепашец на всех континентах мира по полю за лошадью, мулом, волком со скоростью 3—4 километра в час. И вот эта привычка — и только она — определила темпы сельскохозяйственных работ в век мотора. Но разве можно мириться с явной несправедливостью, с тем, что этот темп продиктован сельскому хозяйству физическими свойствами коня? Ведь это так же нелепо, как если бы пределом скорости для автомобиля стала резвость рыска.

Выдающийся русский ученый академик А. И. Крылов, размышляя о скорости, записал: «...долготелая практикой я убедился, что если какая-либо нелепость стала рутинной, то чем эта нелепость абсурднее, тем труднее ее уничтожить». Слова эти точно определяют обстановку, в которой развращалась борьба за высокие скорости сельскохозяйственных машин.

В продолжение нескольких лет конструкторы не могли добиться испытания скоростного плуга на опытных станциях Министерства сельского хо-

30 августа Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев прибыл в гости к писателю М. А. Шолохову на станицу Вешенскую. Надолго запомнят станицичи пребывание Никиты Сергеевича в Вешенской, его речь на митинге, встречи и беседы с главой Советского правительства. На нашем снимке: Н. С. Хрущев беседует с соседкой М. А. Шолохова Серафимой Ивановой. Фото М. ТРАХМАНА

НЕ ЗАБЫВАЕМОЕ

ЮРИЙ ЛИБЕДИНСКИЙ

ПРОИЗОШЛО событие, в котором с особенной силой проявилась основа нашего строя, самая суть советского социалистического порядка. Глава нашего правительства, Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев посетил любимого всем народом писателя Михаила Александровича Шолохова в его доме, в станице Вешенской.

Наша литературная среда весьма разнообразна. Среди нас есть люди, которые знают Шолохова всю жизнь, а есть и лично с ним незнакомые. Но для всех нас, для старых друзей Шолохова, и для литераторов, мало с ним знакомых, и для молодежи он стал воплощением лучших качеств, которыми должен обладать советский писатель.

Высокая требовательность к себе как художнику слова помогла ему создать такой шедевр нашей литературы, как «Тихий Дон». Его политическая активность коммуниста проявилась в том, что в разгаре битвы за коллективизацию деревни он создал «Поднятую целину».

Достаточно назвать два эти произведения, чтобы каждому стало понятно, что именно делает Михаила Шолохова знаменосцем нашего писательского отряда.

Уже были опубликованы первые книги «Тихого Дона» и написана «Поднятая целина», Михаил Шолохов уже стал любимым писателем советского народа, его произведения переводились за рубежом, а он мог спросить друзей в задумчивой беседе:

— Ребята, ведь я все-таки писатель, как вы думаете?

Так спрашивал человек, могущий называться настоящим писателем с большим правом, чем многие писатели — сверстники его.

Таким мне смолоду запомнился Шолохов — скромный и требовательный к себе. И прав был Никита Сергеевич Хрущев, когда в своем вдохновенном выступлении в станице Вешенской, давая яркую и глубокую характеристику творчества Шолохова, сказал, что Михаил Александрович — не терпит легкой работы, поверхностного подхода к делу. Он верен в этом отношении замечательной традиции великих русских писателей прошлого.

...Направляясь в одну из своих загородных поездок, Михаил Александрович задержался в Ленинграде. Было это в середине тридцатых годов. Мы встретились, поговорили. Я спросил Михаила Александровича, как он поживает.

Хозяин, сколько представителей интеллигенции Никита Сергеевич знает лично, сколько давал советы, помогал найти решение той или иной задачи, сколько сделал он для каждого из нас и для нашего общего дела!

То, что произошло в воскресный день в знаменитой доносской станице, невозможно ни в одной капиталистической стране. Там, где господствуют идеология параборабства и психология патологического индивидуализма, где общество и его интеллигенция раздирают социальные расовые и другие противоречия, — там глубокая пропасть отделяет не только писателя от правительств, но и самих писателей друг от друга.

Посещение Н. С. Хрущевым М. А. Шолохова — проявление тех совершенных новых отношений между людьми, которые существуют в нашем социалистическом обществе.

Несомненно, столь радостное событие воодушевит всех нас, бойцов литературного фронта, и подметит в развернутое наступление за завоевание новых рубежей идейно-художественного мастерства!

Киев

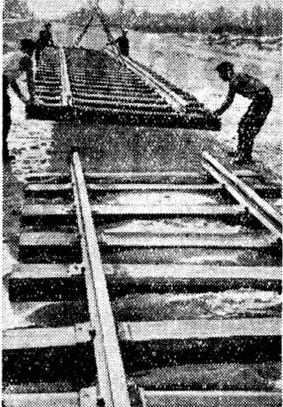
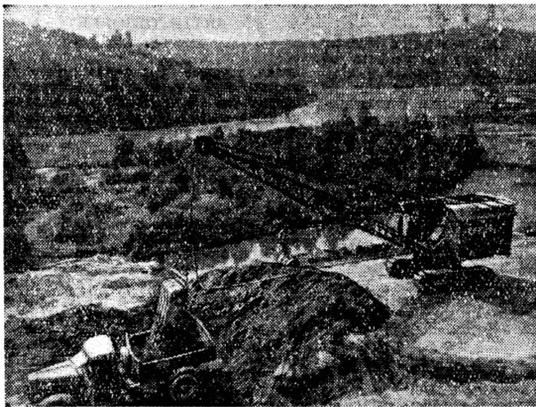
Это возможно только у нас

Любомир ДМИТЕРКО

ПРАЗДНИК в станице Вешенской — это праздник всей многонациональной литературы страны Советов. Побывав в гостях у знаменосца советской литературы Михаила Александровича Шолохова, наш дорогой Никита Сергеевич Хрущев тем самым побывал у каждого из нас, если не в доме, то в сердце.

После важнейших выступлений Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», после его замечательной речи на нашем писательском съезде пребывания Первого секретаря ЦК партии и главы Советского правительства в станице Вешенской, его яркое слово на станичном митинге — это новое, волнующее свидетельство отеческой заботы нашей партии о художниках слова, о всех работниках социалистической культуры.

Это событие снова раскрывает неосечное качество Никиты Сергеевича — быть всегда в народе и с народом. Вспомним, как в грозные годы Великой Отечественной войны член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев постоянно был на командных пунктах воинских соединений, в частях и подразделениях, в солдатских блиндажах. А сколько рабочих всех отраслей нашей матери-

ЮЖИВ... Южно-Сибирская магистраль... По ее западному участку, соединяющему город металлургов Сталинск с Абаканом, еще в позапрошлом году прошел первый поезд... С тех пор домы Кузнецкого металлургического комбината выплывали из хакасской руды, доставленной по новой дороге, не одну тонну чугуна...
А восточный участок Южсиба только еще строится. Фотокорреспондент выездной редакции «Литературной газеты» в Сибирь Михаил Трахман бывал на строительстве новой железной дороги. Ее трасса проходит в тайге Восточного Саяна.
На первом снимке слева вы видите, как механизаторы разрабатывают грунт в том месте, где пройдет полотно будущей железной дороги.
На втором снимке: путеукладочная машина опускает на насыпь очередное звено рельсов. Несколько точных движений — и стальной путь Абакан — Тайшет становится на 12,5 м длиннее.
На третьем снимке — молодые Валентина и Виталий Григорьевы. Они только что въехали в квартиру в поселке будущей станции Кошурниково. Пока молодые устроились по-быстрому, чемодан заменил им стол. Но скоро с железной дорогой в тайгу придет все, о чем только может мечтать молодая хозяйка.

Сохраним памятники истории техники

Лишь очень немногие из материальных, вещественных памятников техники находятся сейчас в наших музеях. Уникальные музейные экспонаты во многом обречены своей сохранностью скромным размером, ибо для них трудно найти хранилища.
Но насколько богаче были бы наши представления о прошлом, если бы нам удалось сохранить не в макетах и изображениях, а в подлинных образцах хотя бы несколько древних морских кораблей, паровозов, впервые взорвавших воды Финского залива и Невы, наши первые самолеты...
Еще в двадцатых годах на Урале советские ученые начали работать над изучением истории возникновения русской металлургической промышленности, открыли и исследовали заводские устройства XVIII—XVIII веков. Немало ценных в историческом отношении заводских сооружений сохранилось и до настоящего времени в больших и малых промышленных центрах, в том числе в Москве, в Ленинграде и его окрестностях, в Туле, Свердловске, Нижнем Тагиле и других.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ведущие археологами раскопки приносят новые и новые открытия в области истории техники глубокого прошлого. В печати недавно промелькнули сообщения об открытиях А. Варганова в окрестностях Суздаля древних обжитых пещер, о проведённых в Усть-Рудне В. Данилевским раскопках на территории вошедшего в историю русского стекловяного завода, созданного М. В. Ломоносовым. Интереснейшие находки в области древнерусской техники и техники народов, населявших

ШКОЛА И ХАРАКТЕР

А. ЛЕВИН

К ИЗВЕСТНОМУ советскому асу Михаилу Грому обратился за советом молодой человек, пожелавший стать летчиком. Гром назначил ему время для беседы. Юноша явился с запозданием и смущенно сказал:
— Забыл завести часы. Они меня подвели.
Прославленный летчик рассказал юноше, что летного мастера он добился главным образом большой работой над собой. Между прочим, он подчеркнул, к чему ведет в авиации (да и в любой деятельности) забывчивость. Затем Гром предложил гостю записать адрес учреждения, куда ему следовало обратиться. Тот стал ошупывать карманы в поисках карандаша.
— Разве вы не носите карандаш всегда в одном и том же кармане? — спросил хозяин.
Юноша не знал, что ответить. Затем, воспользовавшись предложенным ему карандашом, он записал адрес. Однако Гром заметил, что цифра 7 похожа у него на цифру 4.
— Завтра вы можете не найти учреждения, в которое вам надо обратиться.
— Почему? — удивился юноша.
— Вы небрежно записали номер дома.
— Да, вы правы. Это, вероятно, оттого, что я несколько взволнован и поторопился.
Гром сказал, что летчик волнуется лишь в самые трудные, опасные моменты. Но именно тогда он должен работать особенно точно и последовательно.

В этом, то мама испуганно замаскала руками. Что ты, что ты! Ты пойдешь работать на завод и только на завод, а после в институт. Но скажите! Что же, мне идти не на любимую работу?
Я знаю, работа шофера тяжела. Я сейчас умею уже водить 4 машины: два грузовика и две легковушки. У папы в конторе меня научили шофером. Однажды мы с одним шофером ездили в г. Троицк. И когда мне дали в руки баранку, то какое это было счастье, самому вести машину. Вечером нас застал дождь. В лесу мы забуксовали. Вместе вытаскивали машину. И хотя в Троицк приехали усталые и грязные, мы с шофером были счастливые.
А какое счастье работать шофером где-нибудь на Севере или на Дальнем Востоке. Ведешь, например, тяжелый «ЯАЗ» или «МАЗ» по таежной дороге. Кругом на много километров ни души. И ты чувствуешь себя полезным, что ты чем-то помогаешь своей Родине. С приветом Юрий Т.

Я неслучайно остановился на этом примере — он имеет принципиальное значение. Формы организации труда учащихся — актуальнейший вопрос педагогики. Школьная практика рождает сейчас массу интересных вопросов. Но как еще редко, убого, поверхностно анализируются их воспитательная сущность на страницах педагогической печати!
Труд, входящий в школу, должен и внутренне преобразить ее. Не пора ли поставить вопрос, например, о более мелкой «профессионализации» внеклассной работы со старшеклассниками? Не драмкружок, — а самодеятельный юношеский театр с режиссерской и литературной частью, подобными же кружками, художниками и т. д. Не просто трудовые кружки и мастерские, — а настоящий школьный завод — с различными цехами, чертежно-конструкторским бюро, отделами технического контроля, снабжения, со своим промпланом и счетом в банке. Не литературный кружок, — а редакция ученического литературно-художественного еженесячника с отделами прозы, поэзии, публицистики, критики, сатиры и т. д.

«Когда за ним закрылась дверь, — рассказывает Громов, — я несколько подумал, насколько еще не подготовлен он к избранной им профессии... Он неточен, небрежен, неорганизован, у него плохая память, он не умеет владеть собой. Может ли человек с такими недостатками приступить к полету? Конечно, нет».

Значит, труд не может и не должен быть для школьников только «работой». Он должен выступать перед ними как богатое общественное явление, захватывающее весь их внутренний мир, как деяние, через которое каждый из них завоевывает свое положение в обществе, утверждает свою личность, вырабатывает свой характер.
Понимаем ли мы все значение этого требования?
Остановлюсь на одном примере. В школах сейчас широко осуществляется переход на самообслуживание. Родители по-прежнему относятся к нововведению. Одни довольны: пусть ребята работают. Другие негодуют: безобразия! Не для того мы детей посылать в школу, чтобы они там полны мыли! А педагоги часто не способны вразумительно объяснить родителям воспитательный смысл этого дела.
Одна московская школа перешла на самообслуживание. Ребята добросовестно проводили всю уборку. Но вот в воскресенье драматическому кружку понадобилось в школьном помещении провести репетицию. Кружковцы обратились за разрешением к директору. Тот сказал: «Уничтожьте выходы. А без них я не могу доверить вам ключи от школы».

Суть не в перемене названия. Надо ввести во внеклассную работу настоящее дыхание большой жизни, творческий размах и профессиональную деловитость, целенаправленное формирование юных характеров.
Перемены должны охватить и весь школьный быт. В 5-й средней школе г. Рига, например, не оставили на самотек канцелярию. Здесь организован парк письменных принадлежностей «без продажи», свое почтовое отделение, обслуживаемое самими учащимися, школьный буфет — тоже на основе самообслуживания и «без кассира». Вот замечательный пример реализации мысли А. Макаренко о том, что детская жизнь должна быть организована как «коммунальный быт».

Власть тысячелетней привычки

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

На пахоте, культивации, обработке междурядий, уборке хлебов жатками, сева переход на высокие скорости оказался не только возможным, но и неизбежно целесообразным. В одних случаях результаты были более высокими, в других — менее. Тщательный их анализ убеждает, что при наличии их адекватных тракторов, как «ДТ-54М» и «З-50», можно с теми же сельскохозяйственными машинами, которыми располагает сегодня сельское хозяйство, увеличить скорость пахоты до 7 километров (а со скоростью плугом до 8—9 километров в час); скорость культиваций до 7—8, сева — до 10 километров в час!
Трудно бороться с тысячелетней рутинной. Испытатели предвидели десятки вопросов, учитывали сомнения, которые могут возникнуть. «Скорость, мол, это хорошо, а как качество работ? Как расход горючего? А сколько запасных частей потребуется? Ведь их на малых скоростях не хватает...»
Я просматриваю отчеты испытаний, проведенные в Краснодарском крае, Ростовской, Омской и других областях на различных почвах. И на все эти вопросы даны ответы.
Качество посева, пахоты, культивации не только не ухудшилось, а во многих случаях улучшилось. Не повышается, а снижается расход топлива на обработку одного гектара. Остается неизменным удельный расход запасных частей...
Представим себе теперь необозримые пакотные пространства СССР: около двухсот миллионов гектаров. Осенью, весной, летом по ним движутся сотни тысяч тракторов, волоча за собой плуги, сенокосилки, культиваторы, жатки, сенокосилки. В горячие дни сева, пахоты, уборки каждый час дорог, каждый день решает судьбу урожая. Но медленно, очень медленно ползут машинно-тракторные агрегаты. И вот представляется реальная возможность без сколько-нибудь существенных затрат увеличить в 1,5—2 раза рабочую скорость почти всех машин. Гигантская экономика труда, экономия должны получить в нынешнем году 92 тысячи гусеничных и колесных тракторов «ДТ-54» и «Беларусь». Экономисты подсчитали, что при замене их модернизированными сельское хозяйство сэкономит

4,5 миллиона трудодней и около полутра миллиардов рублей.
Ничто как будто не возмражает против высоких скоростей. Все «за», даже те, кто совсем недавно сулил провалы смелому плугу. Противники вроде не стало. И все же дело не движется. На горизонте все еще маячит призрак многострадального коня, честно послужившего в свое время земледельцам.
В ТО САМОЕ время, когда конструкторы-новаторы воевали за высокие скорости и добивались изготовления опытных тракторов. Научно-исследовательский тракторный институт (НАТИ), по заданию Госплана СССР, как говорится, вдали от шума городского, верстал семилетку тракторной промышленности. Много полезного предусмотрели составители проекта семилетки: унификацию тракторов, специализацию предприятий, снижение веса, позаботились даже о внешнем виде машин. Но не упущили из виду «сухой вопрос», в плане не предусмотрели выработку тракторов, которые по мощности мотора были бы пригодны для скоростных работ. Таким образом, не используя мощный рычаг по увеличению производительности труда в сельском хозяйстве.
Составители проекта, как мы видим, не символически, а в самом прямом смысле сделали ставку на скорость: будет расти и скорость с 3—4 километра в час.
Грубая ошибка! Нужно ли говорить о том, что при составлении перспективных планов следует ориентироваться на новейшие прогрессивные тенденции, а не топтаться на месте?
А сейчас нужно искать выход из положения.
Директор НАТИ тов. С. Аюпян высказывает соображения:
— Поскольку специализация завод уже проводится и затрачены немалые деньги на производство типового двигателя в 55 лошадиных сил на харьковском заводе «Серп и молот», нужно постепенно увеличивать его мощность сначала до 65, потом до 70 и, наконец, до 75 лошадиных сил, как это требуют скорости. Соответственно будет расти и скорость на 1—2—3 километра.
Житейский смысл этого предложения сводится примерно к следующему: тысячелетия пахали на малых скоростях, подождем еще несколько лет. Защитники высоких скоростей возражают:

«Пусть завод «Серп и молот» экспериментировать, медленно шагает по ступеням скоростей... Сколько времени это продолжится, неизвестно, первые испытания, как известно, закончились неудачей. А мы не хотим терять времени. Нам вполне устраивает модернизированный трактор харьковского завода «ДТ-54М». Массовое производство их может быть освоено уже в будущем году, а затраты на дополнительное оборудование окупятся в первые же месяцы эксплуатации».

Состоявшаяся недавно в Харькове конференция тракторостроительной подержала скоростников, высказалась за модернизированный трактор. Тракторостроители Белоруссии, вопреки планировщикам, приняли обязательство приступить в 1960 году к производству модернизированных колесных тракторов. Совет Министров Украины вынес решение о переходе Харьковского тракторного завода на производство «ДТ-54М».

Победа!
Несколько дней назад я звонил заведующему отделом машиностроения Харьковского совнархоза Александру Анальевичу Сабину:
— Когда переходите на производство модернизированного трактора?
— Мы то готовы принять новый заказ, но до сего времени не получили оборудования для его выполнения. Нет ясности, когда мы его получим.
Отдел машиностроения Госплана СССР, подготовивший проект семилетки производства тракторов с расчетом на низкие скорости, не торопится исправить свои ошибки.
Высокие скорости — это новая целина сельского хозяйства, освоение которой даст невиданное увеличение производительности труда.
Исключительно важная задача встает сейчас перед сельскохозяйственной наукой: возгнать борьбу за высокие скорости. Нельзя примириться с тем, что проблемами ускорения рабочих процессов на полях занимаются небольшие разрозненные группы в ВИМ, ВИСХОМ и одиночки-конструкторы.
Нужно объединить эти силы, провести совещание всех работающих в этой области, чтобы к предстоящему пленуму ЦК КПСС сформулировать конкретные предложения о повышении рабочих скоростей сельскохозяйственных машин.
Нужно открыть широкую дорогу высоким скоростям в сельскохозяйственном производстве уже в 1960 году.

Вернуть книги читателю

КАК это ни странно, но нередки случаи, когда книги, попавшие в библиотеку, то есть, по существу, к читателю, на самом деле годами (!) лежат на складах мертвым грузом. Так лежат они, к примеру, в Полтавской областной библиотеке имени И. П. Котляревского.
До войны эта библиотека именовалась научной. В ее книгохранилищах насчитывалось сотни тысяч книг из различных областей человеческого знания, любую из которых можно было получить по первому же требованию. Что же случилось? Почему Полтавская библиотека из подлинного пропагандиста книги превратилась в кладовую книжных фондов, прочно закрытую от читателя? Оказывается, дело в помещении — после войны просторное здание библиотеки отдало под кинотеатр. И вот уже 15 лет она ютится на окраине города в тесном, совершенно непригодном под библиотеку помещении. А свыше 80 тысяч томов сложено в штабеля на лестничных клетках и в коридорах, покрывающих пылью ценнейшие произведения литературы. И получается так, что имеющаяся в библиотеке книга приходится выписывать... из других городов. Так было с читателем Романешко, которому понадобилась «История упадка и разрушения Римской империи» Гиббона. По алфавитному каталогу издание значилось, но на полках его не было. В книжных же штабелях разыскать не удалось. Пришлось выписать из Москвы по межбиблиотечному абонементу. То же самое произошло и со студентом-заочником тов. Котляровым, который попросил учебник В. Наумова «Машинное дело». И опять в алфавите учебник был, а на полках его не оказалось. Выписала из Ленинградской библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.
«И не удивительно, — с горечью рассказывает директор библиотеки тов.

Хорунжий, — что люди перестают к нам ходить. Полезной площади для работы в читальном зале у нас всего 50 метров. Развешивать нет. Читателям приходится стоять с книгой в руках в коридоре. Иной придет раз другой, и больше мы его не видим... Читатели, а их у нас 14 тысяч, зачастую не могут получить нужную им книгу только потому, что ее невозможно найти. А ведь библиотека каждый год покупает различную литературу на 125 тысяч рублей. Это примерно около двадцати тысяч томов, но ставить их куда-то, поэтому часть литературы пропадает... штабеля на лестничных проходах».

Не раз директор Полтавской библиотеки обращался в Министерство культуры УССР за помощью. Но из министерства неизменно отвечают, что это — дело исключительно местных организаций. Местные же организации почему-то тоже не спешат решать накопившийся вопрос. Куда ни писал тов. Хорунжий, везде один ответ — в городе нет возможности выделить помещение под библиотеку.

Действительно ли такое стесненное положение с помещениями в Полтаве? Неужели нельзя найти подходящего здания для областной библиотеки? Думается, что можно. В последние годы в Полтаве построили театр, городской дом культуры, помещение для филармонии, стадион, восстановлены музей, построена новая типография, еще один вокзал, введено в эксплуатацию много других зданий. Судьба же библиотеки — одного из крупнейших не только в области, но, я смею сказать, на Украине культурно-просветительных, научных и методических центров — почему-то никого не волнует.

М А С Т Е Р А

Николай ДИМЧЕВСКИЙ

1.
Жестяные цветы в воротах
цветущего сада!
Никогда не увянут ваши жестяные
стебли,
в ваших венчиках нет
ни мексара,
ни яда;
ни пчела, ни оса
в ваших зацепках не были.
Но у вас есть своя неуловимая
презреть,
есть нанвность в незлых изгибах
металла —
это значит:
жестянику
очень хотелось,
чтобы мертвая жезть колокольчиком
стала.
Уловатые пальцы
в порезах и ржави
оршались не раз
крупной каплею пота,
и на память он Летнему саду оставил
жестяные цветы на скрипучих
воротах.
Я завидую:
старый жестяник был мастер,
Эта радость —
оставить на жести иль слове
трепет пальцев своих,
или мысли о счастье,
или красную капельку крови.

2.
Металл, как губка, впитывая труд,
ложится сплитком,
тянется в струну...
Лишь руки человека придают
полезность стали,
благородство сплавам
и золоту — цену.
Металл — стихия:
в нем сплелся улом
бездушье, красота, бестрепетность и
дрожь.
Металл — хамелеон:
сегодня — ржавый лом,
а завтра — плуг и серп,
а завтра — меч и нож.
Металл — игрушка, банна для
конфет
и трос,
протянутый из наших дней в мечту;
он плоть и мозг космических ракет
с орбитой, устремленной в пустоту...
Все это буйство скрытых свойств
и след
клубится,
сжатое в ладонях твердых рук, —
его связал,
скрутил
и подчинил
металлом опаленный металлург.
Не сталь,
не алюминий,
не волфрам —
все это сплав труда, ношей и дней,
все это мысль с металлом пополам,
и металлург господствует над ней!

Самое заветное

РАДОСТНО бывает наблюдать за поэтом, который впереди, соразмерившись с...

В своей лирической «Поэме о любви» поэт рисует сложные судьбы своих героев. Тема счастья — большая, охваченного от мясничной уюсти и грязи...

Такая поэзия общественна по своему духу и назначению, идеей в самом высоком смысле этого слова. Чувства здесь открыты для всех...

Поэт всюду хочет высказать свое отношение, найти свой поэтический образ. Вот, к примеру, «Стихи об одном другом»...

Николай Доризо, «Лирика». Косы, заплетенные короной, Ни морщинки на высоком лбу... Принесли ей с фронта похоронную —

«Ох, уж эти читатели!» Кому ставить двойку? НЕДАВНО на экзамене по истории театра произошёл такой случай...

Поэзия

наступления

ПИСАТЬ о творческом пути и литературном наследии Егши Чаренца трудно. Чаренц не выбирал протоптанных и легких путей...

Егши Чаренц любил классику, армянскую и русскую, он был хорошо знаком и с западноевропейской литературой. Однако отношение Чаренца к великим произведениям прошлого, приобретшим значение образца и канона, было далеко не простым...

Работа А. Салахиана — первая книга о Чаренце на русском языке. Автор не ставил себе целью исчерпывающе рассказать о жизни и творчестве поэта...

Анализ художественного наследия писателя ведется А. Салахианом по этапам в хронологическом порядке, что дает возможность обрисовать эволюцию Чаренца и определить историко-литературную ценность написанных им произведений разных лет...

В противовес «укороченному и крохоборческому» пониманию мастерства, о котором, как изложил выразился критик, «галдят в последнее время иные люди»...

Как легко развивалась бы литература, если бы и впрямь это было так! Кому не доводилось читать романов, пьес, поэм (увы — многочисленных)...

Концепция В. Перцова весьма приятна и утешительна для «литературных младенцев», столь ярко изображенных в недавней статье Л. Никулина...

Мыслимо ли представить себе статью музыковедов, в которой композиторам усложняется задача, а владение гармонией является их как результат написания удачной оперы или симфонии?

Подобная концепция мастерства может сослужить литературе лишь вредную службу. Мастерство — это не приз, вручаемый за наилучшее выражение идеи; мастерство — это непреходящее условие полноценного воплощения авторского замысла...

Книга В. Перцова привлекает документальностью идейно-тематического анализа, оригинальностью многих суждений. Ее достоинства поучительны. Именно поэтому мы считали нужным так подробно говорить и о ее недостатках.

Вслед за «очерком», что «построен на хорошем знании материала», С. Елантнев принялся за стихи. Одного юного поэта он отечески ободрил, поскольку тот «сумел использовать творческие средства, как пейзаж, и форму диалога, и переживания зрелищной», другим слегка попенял: в стихотворении «О брате», оказывается, «само название слишком общее, абстрактное», а автор следующего стихотворения «все светл к перечислению биографии»...

Не удовлетворяясь стихами, которые «не оставляют читателя равнодушным», С. Елантнев рвется выше на простор литературоведческих обобщений. «Наши романтики», — уверяет он, «должны быть светлой, осуществимой». Всем нам надо много учиться, постигать и использовать чарующую силу русского языка...

Могут сказать: что вы хотите, маленький городок Загорск... Но ведь в маленьком городке Загорске тот же читатель, что и в столицах, — человек образованный, приобщенный к самой передовой культуре. Это почитатель Толстого и Флобера, Чехова и Маяковского, это агроном или рабочий, педагог, врач, инженер... И ему-то с ученым видом преподносится с печатных страниц малорамные, косноязычные рассуждения о литературе и культуре России? Да еще при этом указывается строго: учиться надо! Надо, дескать, постигать чарующую силу русского языка...

О том, что С. Елантнев в данном конкретном случае не переборол себя, наглядно свидетельствует его статья в одном из августовских номеров загорской газеты «Восток» — посвященная творчеству местных литурковцев. Нет, С. Елантнев был уже целиком во власти этой незнаниями силы, когда вывел первую фразу: «Появление новых авторов в литературном творчестве свидетельствует о росте нашей культуры». Можно было бы и остановиться на этом, но поздно, поздно, душа уже воспряла, и перст уже не опустит...

«Юмористический очерк... построен на хорошем знании материала и написан живо. В нем рассказывается о 12 неудачных рыболовах. Взяв традиционный сюжет», автор «сумел показать неприглядность той пьянки, которую подменили «герои» очерка неудачный подледный лов рыбы... Очерк звучит осуждением всем тем, кто почитает «зеленого языка»...

Новинки

В. КИРПОТИН. Поэзия наступления. М., 1959. В ней обобщен опыт лучших отечественных и зарубежных иллюстраторов, сделана интересная попытка поставить основные проблемы художественной литературы, в частности, решить вопрос о возможности и правах художника в интерпретации текста...

Трудно назвать хотя бы несколько теоретических работ по книжной графике, вышедших за последние годы. Поэтому особый интерес представляет книга Э. Адамова «Иллюстрация в художественной литературе» (Искусство, М., 1959).

Левод Т. С. Мальцев, и простой колхозный агитатор Вася Чучуков, бесполойной и талантливый человек.

ПРАВА ХУДОЖНИКА. Трудно назвать хотя бы несколько теоретических работ по книжной графике, вышедших за последние годы. Поэтому особый интерес представляет книга Э. Адамова «Иллюстрация в художественной литературе» (Искусство, М., 1959).

автора: «Круг наших эмоций обновился, он не сужился, а расширился, и не утратив ничего из того, чем в прошлом обогащался человек, мы стали во много раз богаче новыми открытиями ощущениями эпохи социализма, социалистического отношения к труду».

Так формируются объективные критерии оценки «Соти» Л. Леонова, «Гидроцентрали» М. Шагинян, «Энергия» Ф. Гладкова, «Большого конвейера» Я. Ильина, критерий, значимость которого в наши дни возросла во сто крат.

Для В. Перцова эстетическое немисливо вне этического, прекрасное — вне борьбы. Он утверждает красоту социалистических свершений, эстетику революционного деяния.

Книга «Писатель и новая действительность» родилась в литературных боях. Отсюда — горячность высказываний.

Едва ли кому-нибудь захочется присоединиться к категорическому утверждению, будто Тургенев и Тютчев «само собой» являются представителями русского народа.

СЛАБОСТЬ критики видится нам в другом. С неоспоримой убедительностью показывая идею новаторства советской литературы (именно в этом пафос исследования), В. Перцов в большинстве статей лишь походя касается вопроса о новаторстве эстетическом. Нельзя сказать, что художественная ткань того или иного произведения вовсе не привлекает внимания критика. Но по беглым (хотя подчас метким и тонким) замечаниям чрезвычайно трудно составить себе ясное представление о форме анализируемого произведения, а индивидуальность его автора остается и вовсе неясной.

Вероятно, как и всякий критик, В. Перцов одним творческим манером, индивидуальным писательским «почерком» симпатизирует больше, другим — меньше. Очевидно, из двух книг равных идейных достоинств одна по своему художественным особенностям окажется ему ближе, чем другая.

Говорить об этом приходится, к сожалению, очень нелегкая задача — отгадать, нравятся ли критик, к примеру, «Гидроцентрали». Художественные симпатии и антипатии В. Перцова остаются за пределами книги, он словно стремится тщательно их скрыть. Можно ли представить себе статью Белинского, не озаренную с первой до последней строки его личными вкусами и пристрастиями? И разве в том, что в

А Х. КАКАЯ это сладкая, берущая душу отрада — почитать других, журить их или похлопывать по плечу, подтигивать до своего уровня... Иному, глядящему, приходится употреблять просто-таки нечеловеческие усилия, чтобы сдержать себя, вовремя опустить эту возлюбленную указующий перст. Особенно, когда перед тобой начинающие литераторы, эти робкие и доверчивые существа, словно специально созданные для поучений и морали...

О том, что С. Елантнев в данном конкретном случае не переборол себя, наглядно свидетельствует его статья в одном из августовских номеров загорской газеты «Восток» — посвященная творчеству местных литурковцев. Нет, С. Елантнев был уже целиком во власти этой незнаниями силы, когда вывел первую фразу: «Появление новых авторов в литературном творчестве свидетельствует о росте нашей культуры». Можно было бы и остановиться на этом, но поздно, поздно, душа уже воспряла, и перст уже не опустит...

СРЕДИ КНИГ

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЖИТ СЛАВА

«По степным поселкам, займам и станциям гуляли банды... На баззе стояли беседы».

«Очеркист дышит таким высоким воздухом современности, что покалывает в груди» — говорит Александр Горюнов в своей книге «Здесь их сердце» («Советский писатель», 1959). Книга эта — не наблюдение из вагонного окна. Очерки А. Горюнова — рассказы о колоссальных преобразованиях в сельском хозяйстве. Герои очерков — колхозники Удмуртии, Кубани, Туркмении, среди них — и прославленный поэт В. ПАНКЕЕВ.

автора: «Круг наших эмоций обновился, он не сужился, а расширился, и не утратив ничего из того, чем в прошлом обогащался человек, мы стали во много раз богаче новыми открытиями ощущениями эпохи социализма, социалистического отношения к труду».

Так формируются объективные критерии оценки «Соти» Л. Леонова, «Гидроцентрали» М. Шагинян, «Энергия» Ф. Гладкова, «Большого конвейера» Я. Ильина, критерий, значимость которого в наши дни возросла во сто крат.

Для В. Перцова эстетическое немисливо вне этического, прекрасное — вне борьбы. Он утверждает красоту социалистических свершений, эстетику революционного деяния.

Книга «Писатель и новая действительность» родилась в литературных боях. Отсюда — горячность высказываний.

Едва ли кому-нибудь захочется присоединиться к категорическому утверждению, будто Тургенев и Тютчев «само собой» являются представителями русского народа.

СЛАБОСТЬ критики видится нам в другом. С неоспоримой убедительностью показывая идею новаторства советской литературы (именно в этом пафос исследования), В. Перцов в большинстве статей лишь походя касается вопроса о новаторстве эстетическом. Нельзя сказать, что художественная ткань того или иного произведения вовсе не привлекает внимания критика. Но по беглым (хотя подчас метким и тонким) замечаниям чрезвычайно трудно составить себе ясное представление о форме анализируемого произведения, а индивидуальность его автора остается и вовсе неясной.

Вероятно, как и всякий критик, В. Перцов одним творческим манером, индивидуальным писательским «почерком» симпатизирует больше, другим — меньше. Очевидно, из двух книг равных идейных достоинств одна по своему художественным особенностям окажется ему ближе, чем другая.

Говорить об этом приходится, к сожалению, очень нелегкая задача — отгадать, нравятся ли критик, к примеру, «Гидроцентрали». Художественные симпатии и антипатии В. Перцова остаются за пределами книги, он словно стремится тщательно их скрыть. Можно ли представить себе статью Белинского, не озаренную с первой до последней строки его личными вкусами и пристрастиями? И разве в том, что в

А Х. КАКАЯ это сладкая, берущая душу отрада — почитать других, журить их или похлопывать по плечу, подтигивать до своего уровня... Иному, глядящему, приходится употреблять просто-таки нечеловеческие усилия, чтобы сдержать себя, вовремя опустить эту возлюбленную указующий перст. Особенно, когда перед тобой начинающие литераторы, эти робкие и доверчивые существа, словно специально созданные для поучений и морали...

О том, что С. Елантнев в данном конкретном случае не переборол себя, наглядно свидетельствует его статья в одном из августовских номеров загорской газеты «Восток» — посвященная творчеству местных литурковцев. Нет, С. Елантнев был уже целиком во власти этой незнаниями силы, когда вывел первую фразу: «Появление новых авторов в литературном творчестве свидетельствует о росте нашей культуры». Можно было бы и остановиться на этом, но поздно, поздно, душа уже воспряла, и перст уже не опустит...

«Юмористический очерк... построен на хорошем знании материала и написан живо. В нем рассказывается о 12 неудачных рыболовах. Взяв традиционный сюжет», автор «сумел показать неприглядность той пьянки, которую подменили «герои» очерка неудачный подледный лов рыбы... Очерк звучит осуждением всем тем, кто почитает «зеленого языка»...

О том, что С. Елантнев в данном конкретном случае не переборол себя, наглядно свидетельствует его статья в одном из августовских номеров загорской газеты «Восток» — посвященная творчеству местных литурковцев. Нет, С. Елантнев был уже целиком во власти этой незнаниями силы, когда вывел первую фразу: «Появление новых авторов в литературном творчестве свидетельствует о росте нашей культуры». Можно было бы и остановиться на этом, но поздно, поздно, душа уже воспряла, и перст уже не опустит...

За четверть века

МАКСИМ ГОРЬКИЙ и Юрий Олеся, Корней Чуковский и Сергей Есенин, Симон Чиковани и Павел Бажов... Многогомыслый роман и лирическая миниатюра, поэма и очерк... Борьба реализма и модернизма в русской литературе начала XX века, взаимоотношения индивидуального творчества и фольклора, становление нового типа художника...

Может ли литературоведческая книга со столь разными «героями» быть цельной? На распадении ли она на ряд внутренне не связанных статей — особенно, если составлена она из рецензий и обзоров, которые писались и печатались на протяжении четверти века?

Оказывается, может. Нужно только (голько!) сделать каждую из этих рецензий и обзоров ответом на вопрос: как отобразила литература процесс социалистического переустройства мира и чем помогла она этому процессу?

«Писатель и новая действительность» — так назвал свою книгу В. Перцов. В этом названии выражен важнейший для советской критики аспект исследования. Именно в этом аспекте и рассматривает В. Перцов любое литературное явление.

В книге немало исторических экскурсов и социологических размышлений: мы встретим на ее страницах и цифровые выкладки, и выдержки из документов, и цитаты из воспоминаний. Подобного материала здесь больше, чем во многих других исследованиях о советской литературе. Но В. Перцов не слепо распространяет обыкновенно: не создает жизненный «фон», на котором развернется анализ литературного процесса (более или менее удачно «увязанный» с этим «фоном»). Он неустанно и неотступно, шаг за шагом поверяет литературу действительности.

Дорогу, по которой шел романтизм или поэт, В. Перцов прокладывает след за ним... Мысль о необходимости тесной связи литературы с жизнью народа определяет и самую методику исследования. И в этом — особая актуальность книги В. Перцова.

Анализ этапов развития нового нравственного сознания, постепенно, в кровавых боях и трагических испытаниях преодолевающего исконную противоположность между понятиями «свобода» и «дисциплина», позволяет критику обнаружить многие существенные закономерности литературы пореволюционного двадцатилетия — от лавреневского «Ветра» до «Как закалялась сталь» Островского (статья «Личность и новая дисциплина»). «Новая мера труда», «Комиссары и спецназ» — заголовки начальных разделов статьи «Люди двух пилатеток» подчеркнуто публицистичны. Публицистично и само их содержание. Если бы не этот большой разговор о жизни, стал бы декларативным вывод

В. Перцов. «Писатель и новая действительность». Литературно-критические статьи. «Советский писатель».

новинки

КАЛУЖСКИЕ ПАРТИЗАНЫ. Михаил Гурьянов, Николай Бандулевич — много ли мы знали до последнего времени об этих героях партизанского боя, погибших в борьбе с фашистскими захватчиками? О них и об их друзьях рассказывает в своей книге «Пароль Родина» В. Самойлов и Б. Скворина.

ПЕРЕД нами предстает герой войны — каждый со своей биографией, с судьбой, с новой книгой, с документом в руках.

МАРИНОВ А. Розенберг поэт — Штур Балагуров. Пьесы. 264 стр. 5 000 экз. 5 руб. 40 коп.

ПАВЛОВА В. Сентиментальный роман. 223 стр. 75 000 экз. 4 руб. 80 коп.

ТАЛАНТ ВСЕГДА ЧЕЛОВЕЧЕН

МНОГОВАЖАЕМЫЙ Юрий Павлович, не зная, сумею ли я сколько-нибудь убедительно передать чувства, побуждавшие меня обратиться к вам с этим письмом...

Взволнованный его страстным смыслом и одновременно силой вашего образного таланта, я был охвачен потоком разрозненных чувств. Главных чувств было два, и по мере того, как я дулся над вашим рассказом, они все более росли и укреплялись. Это — неприятие изображения вами, несогласие с выводами и обобщениями, на которые наталкивал ваш рассказ и содержанием, и самим своим содержанием, и желанием сказать вам, как вы неправы, и в то же время — обиды за ваш талант, отданный такой превзойтой, такой противоестественной для художника идее.

Герой вашего рассказа Егор — обладатель дивного голоса, редкого певческого дарования, но он же — полуживой, докучливый, пьющий, живущий в постоянном тяжелом отуплении.

Иде, когда и почему это происходит? Если бы вы хотели изобразить, как еще в доисторические времена впервые на земле власть пробуждающегося в человеческом существе таланта до основания потрясла дикую первобытную душу, я поверил бы вам.

Но когда сегодня я открываю журнал с прекрасным символическим заглавием «Октябрь» и читаю о том, что где-то рядом, в нашей жизни, прозябает, дремлет ваш Егор с его чудным, но бессмысленным, ни к чему и ни к кому не обязанным талантом, — я не хочу и, главное, не могу вам поверить. Это неправда. Жестокое заблуждение по отношению к самому понятию «талант» и в русской песне, которая всегда — и в истории, и теперь — так много значит для всех нас. В песне — красота добра, человечность,

о том времени, когда народ будет свободен, и вместе с Короленко с трепетом надежды смотреть, как играет народная река. С верой в обновляющую добрую силу искусства вступили мы, вслед за своими великими учителями, в искусство, на спелую, и пронесли эту веру через всю жизнь. Талант — не бессмысленен, нет! Русский талант человечен, гуманен в самом высоком смысле этого слова, он — с людьми и для людей!

Михаил РОМАНОВ, народный артист СССР

Запад встречается с Востоком

ВЕСТЬ об обмене визитами между Эйзенхауэром и Хрущевым вызвала в Берлине сенсацию. То была не одна из мимолетных сенсаций, входящих составной частью в повседневную жизнь этого города. — Нет, эта весть глубоко запала в сознание людей, ибо договоренность об обмене визитами прояснила перспективы на ближайшее будущее.

Простой человек не разбирается в тонкостях дипломатии. Для него не представляет существенной разницы, соберутся ли на совещание в верхах два, четверо или шестеро глав государств. Неважно, об обмене визитами между Хрущевым и Эйзенхауэром как совещании в верхах из верхов, как встрече, так сказать, высочайших вершин. Он глубоко убежден в том, что если эти двое смогут найти общий подход к некоторым из мировых проблем, то никто — даже Воинрад Аденауэра и Шарль де Голль — не будет в состоянии воспрепятствовать им. Более того, он, этот простой человек, считает, что, пока идут переговоры, не будет никакой стрельбы, а речи он явно предпочитает атомным взрывам.

Дейтели, стоящие ныне у кормила правления в Западной Берлине и в Бонне, не разделяют этого мнения простых людей. В своих официальных комментариях они выражают чувства доброжелательства и пожелания успеха, но когда стало ясно, что господин Э. встретится с господином Х., не проинструктировавшись предварительно у «великого канцлера», сквозь этот приветственный лепет прорвалась особая рода магия величия, выражающаяся языком немецких психиатров, *Geltungsbedürfnis*, то есть жажда признания собственной значительности. А в радости, с которой впоследствии было встречено сообщение о том, что г-н Э. все-таки заглянет в Западную Германию на несколько часов, было нечто похожее на экстаз, в который приходили в XVIII столетии барыеры какого-нибудь княжества, когда его сиятельство выезжал из своей резиденции на прогулку в карете, запряженной четверкой лошадей.

Самой собой разумеется, что основой всех политических событий является экономика. Однако еще со времени кайзера Вильгельма II в немецкой политике наблюдалась черта, заслуживающая пристального внимания психолога. Возьмем, к примеру, более чем странное поведение г-на фон Брандта во время Женевского совещания, делавшего вид, что, с одной стороны, его нет в Женеве, но что в то же время он присутствует там... Или начавшуюся вслед за этим в Западной Германии энергичную игру в вопросы и ответы на тему о том, кого совещание министров иностранных дел пригласило, а кого возвышало — Востоку или Западу Германии, и кто из них при предстоящих переговорах будет *aufgewertet*, а кто — *abgewertet*.

Не подлежит сомнению, что именно в связи с «холодной войной» обе части Германии оказались на «передовых позициях» соперничающих лагерей, и завоевание симпатий немецкого народа до сих пор является целью наиболее воцерковленной и услужливой пропагандистской волеизъявления. Однако по мере того, как «холодная война» ослабевает, это стремление уменьшается. И в тот день, когда будет обеспечено мирное сосуществование, оба немецких государства станут тем, что они представляют собой на самом деле: двумя государствами среднего размера в центре Европы, с непохожей развитой экономикой и весьма одаренным народом, могущим внести заметный вклад в историю человечества. Возможно, к тому времени они воссоединятся в одно миролюбивое демократическое государство — тем лучше.

Но боитесь и западноберлинские заправилы как раз и боятся того, что им будет отведена роль, соответствующая их истинному значению. Они преуспевают в атмосфере взаимного недоверия и противоречий между великими державами. Их бросает в холодный пот при мысли, что та же самая коалиция, которая однажды уже показала им, где раки зимуют, может воссоздаться вновь для того, чтобы установить мир, который не удалось обеспечить в 1945 году. Такой же представляющий ничто сенсационный факт, как посещение г-ном Никсоном братской могилы польских патриотов в Пальмирах и памятника на месте бывшего гетто в Варшаве, вызвал поток тревожных комментариев в редакционных статьях западногерманских газет. Надежды на то, что поездка Никсона в

↑ Повышен или понижен в значении. — Прим. перев.

Польшу в какой-то мере разобщит советский и польский народы, померкла. Родилось опасение: а вдруг американцы еще не забыли окончательно, против кого они воевали, и могут пойти на мирное урегулирование с Советским Союзом, вместо того чтобы снова вложить нож в руку вчерашних убийц?

На фоне всего этого поистине отрадно выглядит трезвая реакция такого политического деятеля, как Ульбрихт. Он далек от того, чтобы набивать цену своей стране или играть в игру «кто кого признает». Обращаясь к рабочим химического завода «Дейна», он сказал: «Государственный секретарь США Гертер... ошибочно полагает, будто признание ГДР для нас — важнейший вопрос. Для нас, для правительства Германской Демократической Республики, самое главное — это тесная связь с нашими рабочими и крестьянами, это признание народом в самой Германской Демократической Республике».

Как и странно, этой же точки зрения придерживается и главный редактор гамбургской газеты «Ди Вельт», выразитель интересов определенного крыла западногерманского капитала. Ганс Перер. В недавно опубликованной статье он писал, что атомное равновесие великих держав нейтрализовало грубую силу как средство политики, потому что «никто не может представить себе, чтобы человечество хотело уничтожить само себя», и что поэтому последнее слово в политике принадлежит «массам... от согласия которых зависит сила и эффективность любой политики».

Некоторые наблюдатели найдут явление Перера о том, что атомная война исключается, несколько преждевременным. Г-н Никсон, может быть, и понял, что ныне бесполезно угрожать ракетным

оружием, но г. Аденауэра и Штрауса это еще неведомо. Однако никто не станет отрицать, что ныне согласие Масс, их поддержка приобретает все возрастающее значение.

Я только что провел несколько дней в одном из примечательных пунктов Германской Демократической Республики для иммигрантов и лиц, возвращавшихся в ГДР. Я решил пожить в этом центре, чтобы поближе познакомиться с самым чувствительным барометром народных настроений в Германии. Я поселился там инкогнито, поскольку опасался, что писателя многие посчитают неофициальным представителем официальных властей. А я знал, что в течение трех десятилетий немцы научились говорить своим властям как раз то, что они, эти власти, и хотят услышать. Направленный в центр тем же порядком, как и остальные его обитатели, я поселился там под вымышленным именем и спал, ел, шутил, беседовал и тревожился вместе со всеми. Я вынес оттуда самое отрадное впечатление, хотя встречался с совершенно различными по характеру людьми. Они обильно делились своим переходом в ГДР не по жажде к новой родине, но — сознательно или подсознательно — все до одного руководствовались одним и тем же побуждением. Все эти бегущие с Запада: драхлевики пенсияры и рослые молодые шахтеры, терпящие нужду многие детеныши и буржуазные интеллигентны, доказавшие до приемного центра на собственных автомобилях, — погляди река Аденауэра для того, чтобы избавиться от неуверенности, присущей капиталистическому миру, и приобрести устойчивость, гарантируемую социализмом, пусть даже это устойчивое положение не так эффектно выглядит и не такое соблаз-

нительное, как разрезанное *Wirtschaftswunder*.

В большинстве случаев решение переселиться на восток принималось не из политических соображений. Тем не менее это было все же решение политического характера, которое, видимо, окажет свое влияние на ход истории, и не только истории Германии.

Борьба между капитализмом и социализмом будет продолжаться. И мы уверены, что социализм победит. Эта борьба происходит в силу законов истории, которых не может изменить ни один человек, в том числе и величайшие государственные деятели. Однако во власти этих деятелей — заключить договоренное соглашение о том, что борьба будет вестись мирными средствами, а не при помощи водородных и атомных бомб. Подобное соглашение должно стать основной чертой предстоящего периода. Иначе может оказаться, что в конце концов не сохранится никакого экономического строя и вообще никакой формы организованного общества, — останутся лишь отравленная пустыня и варварство.

Берлинцы сохраняют спокойствие. В конце прошлой войны они узнали, что такое ад, и не хотят, чтобы этот ад повторился. Они считают, что лучше устраивать выставки в Нью-Йорке и Москве, чем превращать эти города в развалины. По сути дела, в их собственном городе вот уже много лет существует две такие грандиозные выставки, отделенные друг от друга лишь границей между секторами. Социалистическая выставка была создана в очень тяжелых условиях, но год от года она все улучшается. Она будет улучшаться и впрямь достигнет такого совершенства, что весь Берлин, вся Германия глубоко осознают ее значение и извлекут из нее практический урок.

БЕРЛИН. (По телеграфу).

«Хозяйственное чудо» в Западной Германии — не бывшая, якобы, постем народное хозяйство. — Прим. перев.

ПОГОВОРИМ О БУДУЩЕМ...

АМЕРИКАНСКАЯ национальная выставка завтра примет последних посетителей. В Сокольниках пришла осень, дует прохладный ветер, временами накрапывает дождь, и манекенщицы демонстрируют летние костюмы, заметно ежась от холода.

Пришла осень... Но общее настроение, к счастью, не следует переменам погоды. В первые дни выставки шедло светило солнце, московская жара напоминала американцам о летнем Нью-Йорке. Однако и у нас, и у наших гостей было много тревог и не очень много надежд. Сегодня все мы чувствуем потепление международного климата. Сейчас во всех странах мира обсуждаются перспективы предстоящих встреч Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра. Высказываются различные мнения, различные предположения.

В последние дни работы Американской выставки тоже хочется немножко пооблагодетельствоваться. Ведь политика, в отличие от погоды, подвластна воле человека. Представьте, что политический климат мира будет улучшаться. Какой тогда могла бы быть следующая Американская выставка в Советском Союзе? Этот вопрос я задавал руководителю пресс-центра выставки Джону Джозефу. Его не смутила просьба поразмыслить о будущем. Он сказал: — У нас было мало времени на подготовку выставки и недостаточный бюджет. Мы считали, что главная задача — улучшить взаимопонимание. Мы хотели показать, как живут американцы. Но я знаю, что многие посетители, которым хотелось узнать о достижениях американского народа, ушли с выставки разочарованными...

Мне не хотелось спорить, насколько правильно выставка отразила образ жизни простых людей США, — об этом уже много говорили и писали. Чтобы представить себе будущее, существование было замечание г-на Джозефа о том, что теперь американцы знают, чем интересуются советские люди, как они живут.

— Это очень важно для будущего, — говорит мой собеседник. — Я теперь лучше понимаю советского человека. На новой выставке мы постараемся удовлетворить его интересы.

Итак, лучшее понимание интересов советских людей. Это — первый положительный итог выставки и вместе с тем как бы заявка на воображаемой выставке. Американцы плохо представляли себе Советский Союз, они думали поработать без блеска домашнего быта. И это было большой психологической ошибкой, просчетом.

Как же будет выглядеть будущая выставка, по возможности освобожденная от психологических ошибок и про-

О. ПРУДКОВ

счетов? Представим ее себе и сравним со старыми впечатлениями.

«Электронная машина отвечает на вопросы. Но теперь она уже не ставит знак равенства между домашней хозяйкой, детьми и безработными, зачисляя всех в одну категорию. Она дает прямые и точные ответы. Дружба любит правду! Изменился характер комментариев на многих стендах. Стало значительно меньше общих статистических данных, в которых складываются миллионы и рабочие и потом все это делится пополам...»

На выставке пятьдесят девятого года нам очень понравился стенд, рассказывавший о широком распространении пластмасс в Америке. Мы запомнили и кузов автомобиля из стеклопластика (его свободно поднимал один рабочий), и семейство зеленых грибов, из которых составлено несколько ажурных павлиньих. Приятно, что на будущей выставке мы видим не только стенды, а целую галерею синтетических изделий... И вообще весь характер экспозиции заметно изменился. Теперь уже не записишь в книге посетителя: «Я почти ничего не узнал о промышленности и технике США».

Вот, например, отделы космических исследований и использования атомной энергии в мирных целях. Здесь и на выставке 1959 года толпились посетители, которые с интересом рассматривали спутник «Исследователь-VI», ракетный самолет, построенный для выяснения условий полета на больших высотах, модель судна «Саванна» с атомным двигателем. После улучшения международной обстановки, после того, как было достигнуто соглашение о запрещении испытаний ядерного оружия (мы надеемся, что это произойдет), развернулось широкое мирное соревнование между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Ядерная энергия стала служить человеку. И это привело к новым успехам, к новым открытиям. Многие, очень много теперь людей в этих отделах... На «прошлой» выставке работала машина голосования. Посетитель мог проголосовать за экспонат, который ему понравился больше других. Большинство голосов — свыше 5 000 тысяч — получили автомобили. Они были почти вне конкуренции. Теперь исход борьбы неясен. У автомобилей появились серьезные соперники.

Главный павильон уже не напоминает большой универсам. Предметы бытового обихода немало, но они расположены с должным вкусом и умеренностью. Появились новые экспонаты — свидетельства сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом в разных областях: сведения о совместных научных исследованиях, образцы изделий, экспортирующиеся в Советский Союз. Большой интерес вызывает цветное телевидение. Посетители сравнивают: чья телевизионная лучше, где естественнее цвет, яснее изображение.

Показанное на «прошлой» выставке абстрактное искусство не имело успеха. Не помогли дополнительно выписанные организаторами выставки из США несколько реалистических полотен. На этот раз, как мне показалось, американцы больше посчитались с вкусами советских людей и не захотели их опять смущать. Мне показалось, что абстракция в основном представлена в разделе декоративного искусства...

Что сказать об автомобилях, представленных на этой предстоящей новой выставке? Они хороши, как и прежде. Но рассматривают их еще более ревниво, еще более заинтересованно, чем прежде. За это вре-

мя советские люди многое успели в автомобилестроении.

Закончим на этом наше путешествие в будущее и вернемся к действительности. Подводя итоги, можно, конечно, вновь покритиковать выставку за желание навязать не всегда правильные представления о жизни в США, за недостаточный продуманный подбор экспонатов и за многое другое. Но несомненно и то, что при всех этих недостатках она в известной мере обогатила наши представления об Америке. Она, несомненно, помогла укрепить советско-американские контакты.

Осуществится ли наша фантазия? Это зависит от того, как дальше, по какому пути будут развиваться советско-американские отношения.

— Я обещал весь земной шар, — сказал мне г-н Джозеб, — и нашел здесь, в Советском Союзе, самых дружелюбных, и благожелательных людей. Американцы и русские могут жить в мире и дружбе на одной планете!

С этими словами согласится каждый советский человек. Хотелось надеяться, что Американская выставка в Москве и Советская выставка в Нью-Йорке помогут отчетливо осознать эту истину многим людям.

В ЭПОХУ спутников, электронных машин и межконтинентальных ракет годы летят очень быстро. Нынешнее время благоденствие в Польше. В братской семье социалистических государств — в мире и спокойствии — мы строим социализм. В лучах теплого осеннего солнца на полях Польши золотится пшеница, дымят бесчисленные трубы заводов и фабрик, всею душой занят полесский, бегущих школы, люди истопорились идущей с работы или возвращаются из отпуска, который они провели у моря либо в горах. Многие побывали в дружественных странах: на чудесном побережье Крыма и Кавказа, в солнечной Болгарии, в Румынии...

Двадцать лет назад, в такой же солнечный день нового учебного года, наши дети не смогли пойти в школы. И хотя стояла такая же прекрасная, солнечная погода, она лишь облегчала действия гитлеровской «люфтваффе». Горизонт запылялся, началось трагическое осеннее побоеще...

Двадцать лет назад произошла «сентябрьская катастрофа» — война, в ходе которой были развязаны наши иллюзии. Мы это помним и никогда не забудем!

«Вестерплатте, Кутно, Варшава, Модлин, Хель, Коцк... Мало найдется в Польше семей, где хотя бы один человек не был участником событий, связанных с этими местами в 1939 году! ...Вестерплатте, Кутно, Варшава, Модлин, Хель, Коцк... Все это — символы гражданского мужества, солдатской отваги и верности отчизне. Слава нациям! Слава живым!»

В дни годовщины сентябрьской трагедии, воздавая почести отважным бойцам тех дней, мы не забываем уроков, полученных нами в ходе германо-польской войны. В гечение тех двадцати лет, которые отделяют нас от страшных сентябрьских боев, они стали незабываемым предостережением, священным заветом павших новому поколению, гневным призывом погибших героев: «Трагический сентябрь не повторится!»

Не повторится потому, что научный тяжким опытом истории, наш народ не желает и не допустит повторения национальной трагедии, отмеченной тысячами могил, миллионами жертв и морем крови.

Не повторится потому, что слишком дорогой ценой пришлось нам расплачиваться за глупость и преступное легкомыслие санационных вожakov, за их классовую ограниченность и политическую ненависть к великой Стране Советов.

Я еще помню теплые августовские дни в беззаботной, сонно-отпусковой Варшаве 1939 года. Помню надежды простых людей, навью веривших в то, что «до войны дело не дойдет». Зачарованные блефом пышных военных парадов, обманутые великодержавной

Операция «Бинокль»

Вот истинный характер операции «БИНОКЛЬ»... Рисунок художника Воиона из французского еженедельника «Франс нуэвель».

Тесными рядами идут парашютисты, Чавалино не в руках автоматов... Они идут навстречу смерти, — Жизни они не любят. Они оспаривают: «Да здравствует Франция!», Но и Францию они не любят, — Они лишь позорят ее. И их походные клики Звучат, точно лай шакала И злобный смех гиены. Все знают: они не воюют! Они убивают, Они поджигают, Они разрушают, Стреляют в спину, В чрево вонзают нож. Пытают людей И — подобно вампирам — Пьют кровь своих жертв...

Эти стихи написал военный-слухач французских войск в Алжире. Он попросил подписать их псевдонимом — Робер Марна. Так французский юноша, посланный вопреки своей воле, убивать алжирских патриотов, заклеил преступления колонизаторов...

Уже более месяца французские войска проводят в горах Кабилию операцию «Бинокль», которая, по замыслу французского генералитета, должна нанести сокрушительный удар алжирским повстанцам.

Операция предшествовала шумная реклама. Буржуазная пресса авансом возносила до небес «подвиги» французских парней в беретах, лихо сдвинутых набок. «Операция «Бинокль», — помпезно заявлял журнал «Пари матч», — самая значительная из всех операций, проводившихся в Алжире на протяжении пяти лет войны». Против 5 тысяч повстанцев, обосновавшихся в Кабийских горах, брошено 60 тысяч французских солдат, танки, артиллерия и самолеты. Операцией руководит лично генерал Шалль — командующий французскими вооруженными силами в Алжире.

Прошло несколько недель, и хвастливость тона сильно поубавилась: сокрушить Алжирскую национально-освободительную армию не удалось. «Диспропорция между объемом мобилизованных средств и силой вооруженного натиска, с одной стороны, и достигнутым стратегическим результатом, с другой, — обычное явление в подобных войнах», — признался увреять газета «Монд». Очень скоро «Монд» вынуждена была признать: «Первые итоги операции в Кабилии весьма скромны».

Алжирские повстанцы, скрываясь в горах, умело уходят от преобладающих сил противника и затем нападают на них там, где французские войска всего этого ждут. И так стратегический успех операции «Бинокль» ничтожен. Однако, помимо стратегической, есть и другая сторона — человеческая... Надо при-

знать, что французские солдаты «успешно» взрывают горы, разрушают дома алжирцев, жгут поселения. Газета алжирских повстанцев «Аль-Муджахид» опубликовала список злодеяний, совершенных колонизаторами в Кабилии. Это страшная повесть о стариках, сожженных заживо в собственной хижине, о детях, растерзанных когтями автоматов...

Таковы подлинные итоги операции «Бинокль», как и все те, что предшествовали ей, — пишет французский еженедельник «Франс нуэвель», — дала единственно возможный результат: еще больше стали нищета и страдания алжирского народа. Миллиарды франков брошены в пучину войны. Загублены бесчисленные человеческие жизни.

С. Т.

Французские войска «прочищают» горы Кабилии. Подчас карателям приходится нелегко... НА СНИМКЕ — переправа через горную реку.

Французские парашютисты взрывают горные пещеры, где, по их расчетам, должны находиться алжирские повстанцы. Снимки из французского журнала «Пари матч».

События сентября 1939 года были началом второй мировой войны. На долгие пять лет распростерлась над Польшей ночь фашистской оккупации и рабства. Освобождение пришло с востока, из СССР.

СЕНТЯБРЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

фразеологией «Польша — от моря до моря» и фальшивыми лозунгами, вроде «Сильные, сплоченные, готовые», — эти простые люди жертвовали ради вооруженной армии всем — даже своими обручальными кольцами. Наделись: эта их жертва — еще один пулемет, еще один штык... Назойливая и хвастливая пропаганда вопила о силе и единстве союзников, о мощи нашей собственной армии, о прочности тыла. Санационные вожakov распространяли идеотские утверждения: «даже пуговицы от платья» не отдадим гитлеровцам...

Еще в августе 1939 года была реальная возможность избежать агрессии, изменить расстановку сил на международной арене не в пользу фашизма. Увы! Эта единственная возможность, нарочно отвергнутая Западом, была упущена не только Англией и Францией, но и напыщенными санационными правителями. Обуреваемые страхом перед своим народом, испытывавшую ненависть к Стране Советов, они отказались пропустить через территорию Польши советские войска, готовые прийти на помощь уже истекавшим кровью польским солдатам!

Мы, поляки, любим наших солдат; опыт всей нашей истории научил нас: самый верной гарантией активной защиты нашей независимости может быть только сильная армия, крепко связанная с народом, именующая верных и испытанных союзников. Именно поэтому с такой радостью встречало в этом году население Варшавы (в дни празднования 15-летия народной Польши) марширующие великодушные, оснащенные самой современной техникой части Войска Польского. Оно крепко и сильно и всеобщей любовью народа и братским союзом с могучей Советской Армией.

И в 1939 году наш народ надеялся на своего солдата. Не он виноват в том, что надежды эти были обмануты. Польский солдат сражался отважно. Но... некое приключилось действие: главный образом штыками, а кавалерия атаковала танки с никами патересел Рабочие Гдыни, вооружившись чем пришлось (гопорами, косами, дубинами), защищали портовой город от наседавшей на них моторизованной, вооруженной до зубов гитлеровской пехоты и танков. Мужественно сражались рабочие батальоны Варшавы, героически погиб под Ожаровом польский коммунист Мариан Бучек, подымавший в атаку дрогнувших солдат. Бучек только что бежал из тюрьмы, куда его затрала жандармерия, и направлялся в Варшаву, чтобы защитить родной город...

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, С. А. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИКОВ, В. А. СОЛУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Дирекция, партбюро и местком Всесоюзного управления по охране авторских прав Союза писателей СССР с глубоким приискорием известают о смерти бывшего заместителя директора ВЮАП Анатолия Михайловича АНДРОСОВА и выражают глубокое соболезнование семье покойного.

Из Юлиуша Словацкого

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

1959 год называют в Польше «годом Словацкого». Исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося польского поэта. В связи с памятной датой Государственное издательство художественной литературы подготовило к печати двухтомник избранных произведений Юлиуша Словацкого, в который вошли многие новые переводы стихов поэта. Сегодня мы публикуем два стихотворения Словацкого.

Ничем уже меня не огорчить. Меня в пути сомненья не тревожат. Еще могу творить, страдать и жить, А большего душа уже не может.

Ушли часы сияющего дня, Часы любви и дружеских объятий, И важные дни ждут меня, Печальные, как солнце на закате.

Здесь завершены дни своих приму, И дух мой в бедную отлетит, как птица. О господи, так помоги ему Пышнее вольным жаворонком взвиться.

Скажу верней — душа на склоне дней, Как ласточка, покинет землю эту. Так помоги же ласточке моей Возрадоваться вольности и свету.

МАТЕРИ

Не раз твое сердце наполнится дрожью, Когда ты увидишь — вернулись другие. Меня проклянешь ты за это, быть может, Иль скажешь: твоей недостойна любовь я.

Я знаю: вернувшись, продлю твои годы. Но ты говори: он вернется не скоро, Как лещ, сторожит он там знамя свободы. Зовешь, а в ответ лишь печальные взоры.

Но ты отгадай, в этих взорах читая, За что наложила на себя эту кару: Я смерть кандалам предпочту, дорогая, А чаре позора — отчаянья чару.

Прости и не думай с укором о сыне За то, что тебя обрекает на муки: Когда бы отречься он мог от святости, Поверь, не томился б с тобой в разлуке.